

DOI 10.15826/izv2.2022.24.2.027

УДК 821.161.1-3 Гончаров + 94(520) +
+ 008:002 + 008.001.8 + 327.83 + 316.74**О. Г. Сидорова***Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

**КОНТАКТ КУЛЬТУР И ОБРАЗ ЯПОНИИ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(«Фрегат Паллада» И. А. Гончарова
и «Тысяча осеней Якоба де Зута» Д. Митчелла)**

В статье рассматривается ситуация контакта европейской и японской культур и образ Японии, созданный в классическом произведении русской литературы И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» (1858) и в романе современного английского писателя Д. Митчелла «Тысяча осеней Якоба де Зута» (2010). Написанные в разное время, произведения повествуют об одном периоде и схожих событиях, обе книги имеют документальную историческую основу. Отдельное внимание уделяется героям-переводчикам, которые присутствуют в текстах двух произведений и выполняют важную роль при осуществлении межкультурного взаимодействия. Методология исследования включает в себя методы компаративного литературоведения, а также постулаты постколониальных исследований, в частности, идеи Э. Саида об ориентализме и этноцентризме. Сравнение и анализ текстов двух произведений показывает, что образ Японии, созданный двумя писателями, имеет ряд схожих черт, что подтверждает его объективный характер. С другой стороны, выраженная в текстах авторская точка зрения и взгляд на Японию отличаются кардинально. Для русского писателя это взгляд со стороны и сверху вниз, в японцах он отмечает «странность» и «детскость» как основные национальные черты. Гончаров стоит на позициях евроцентризма, что обусловлено рядом факторов: его знание Японии — внешнее, он государственный чиновник и заботится об интересах России, он представитель влиятельной группы отечественной интеллигенции. Знание Японии и ее культуры у Д. Митчелла глубокое и внутреннее в силу причин биографического характера. Английский писатель создает бикультурный роман, в котором европейский и японский мир одинаково значимы. Таким образом, в романе автор предлагает современную точку зрения на мироустройство и межкультурную коммуникацию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: И. Гончаров; Д. Митчелл; Япония; политика изоляции; евроцентризм; межкультурные контакты; переводчики; бикультурный роман

Ц и т и р о в а н и е: *Сидорова О. Г.* Контакт культур и образ Японии в европейской литературе («Фрегат Паллада» И. А. Гончарова и «Тысяча осеней Якоба де Зута» Д. Митчелла) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 97–114. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.027>

Поступила в редакцию: 21.01.2022

Принята к печати: 07.04.2022

Olga G. SidorovaUral Federal University
Ekaterinburg, Russia

**CONTACT OF CULTURES AND THE IMAGE
OF JAPAN IN EUROPEAN FICTION
(Frigate “Pallada” by I. Goncharov
and *The Thousand Autumns of Jacob de Zoet* by D. Mitchell)**

This article studies the situation of contact between European and Japanese cultures and the image of Japan created in the classical work of Russian literature *Frigate “Pallada”* (1858) by I. Goncharov and in the novel *The Thousand Autumns of Jacob de Zoet* (2010) by David Mitchell, a contemporary British writer. The books were written during different periods of time, but they describe the same historical period and similar events; they both have documentary foundation. Special attention is paid to translators as characters of the books who play an important role in the plot development and provide intercultural communication. The research methodology combines methods of comparative literary criticism with a post-colonial approach, E. Said’s ideas about orientalism and ethnocentrism in particular. Comparative analysis of the two books demonstrates that the image of Japan created by the two writers has a number of similar features, which confirms its objective nature. Conversely, the authors’ perspectives and points of view of Japan differ drastically. The Russian writer looks at the Japanese down and from the outside; he considers “strangeness” and “childishness” to be their national features. Goncharov’s Eurocentric position is explained by several reasons: his knowledge of Japan was external, he was a civil servant, who cared mostly about the interests of Russia, and he represented an influential group of Eurocentric intelligentsia. D. Mitchell’s knowledge of Japan and its culture is deep and internal due to his biography. The English writer creates a bicultural novel in which the European and the Japanese worlds are equally significant. Thus, in the novel, the author offers a modern point of view on the world order and intercultural communication.

Key words: I. Goncharov; D. Mitchell; Japan; isolation policy; Eurocentrism; intercultural contacts; translators; bicultural novel

For citation: Sidorova, O. G. (2022). Kontakt kul’turni obraz Japonii v evropeiskoi literature (“Fregat Pallada” I. A. Goncharova i “Tysiacha osenei Jakoba de Zuta” D. Mitchella) [Contact of Cultures and the Image of Japan in European Fiction (*Frigate “Pallada”* by I. Goncharov and *The Thousand Autumns of Jacob de Zoet* by D. Mitchell)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(2), 97–114. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.2.027>

Submitted: 21.01.2022

Accepted: 07.04.2022

В силу различных причин географического, исторического, политического характера Япония позже, чем другие неевропейские страны, стала известна жителям Европы. В отличие от многих других территорий, Япония не была колонией ни одной из западных империй; кроме того, внутри страны до середины XIX в.

действовали законы, которые жестоко карали за контакты жителей с иностранцами, доступ на территорию страны им был практически закрыт.

Очевидно, что в течение долгого времени в европейской литературе представители восточных цивилизаций были лишены своего голоса, их описывали со стороны, а единственной приемлемой точкой зрения являлась точка зрения европейцев, как это было убедительно показано в исследовании Э. Саида «Ориентализм» (1978), в котором автор представил Восток как дискурсивный конструкт, создаваемый Западом для того, чтобы объективировать представления о «другом». Выделенная Э. Саидом культурная стратегия «ориентализма» — западного стремления представить «восточные» культуры как низшие и противопоставленные «высшей» цивилизации — нашла свое воплощение, в частности, в теориях этноцентризма и евроцентризма. «С самого начала изучения Западом Востока последнему никогда не удавалось говорить за самого себя. Свидетельства Востока обретали достоверность только после того, как проходили сквозь очистительный огонь работ ориенталистов» [Саид, с. 436].

Япония стала популярной в Европе в конце XIX — начале XX в. [см.: Молодников]. Влияние японской культуры на европейскую литературу неплохо прослеживается прежде всего в популярных жанрах, но в серьезной литературе образ Японии почти не разрабатывался. И в русской, и в английской литературе XIX–XX вв. образы Японии и японцев немногочисленны.

Взаимодействие культур невозможно без деятельности переводчиков, которые всегда играли важную роль в жизни стран и народов; как отмечают Н. Гарбовский и О. Костинова, они являются «по определению, *homo socius*» [Гарбовский, Костинова, с. 21] вследствие особой значимости своей профессиональной деятельности. Парадоксально, но именно профессионализм переводчиков делает результаты их труда невидимыми: труд переводчиков сравнивается с прозрачным, невидимым глазу стеклом; К. Чуковский выдвигает требование «самообуздания переводчика» и считает, что читатели ценят «тех из них, кто в своих переводах старается не заслонять своей личностью переводимых авторов» [Чуковский, с. 55]. К. Чуковский писал в первую очередь о художественном переводе, но эти требования в полной мере относятся и к другим видам перевода. Сложившееся в популярном сознании понимание «вторичности» перевода и роли переводчиков нашло отражение в художественной литературе. Мы имеем в виду прежде всего тот факт, что образы переводчиков почти полностью отсутствуют в произведениях европейской и отечественной литературы вплоть до конца XX в. Ситуация кардинально меняется в конце XX — начале XXI в.: переводчики становятся героями произведений отечественной и зарубежной прозы (М. Гиголашвили «Толмач», 2003; И. Ефимов «Новгородский толмач», 2004; М. Шишкин «Венерин волос», 2002–2004; Л. Улицкая «Даниэль Штайн, переводчик», 2006; Е. Чижов «Перевод с подстрочника», 2013; А. Мазурова «Транскрипт», 2015; А. Гавальда «Я ее любил. Я его любила», 2002; Д. Лессинг «Лето перед закатом», 2007; М. В. Льоса «Похождения скверной девчонки», 2010; и др.), — обратим внимание, что среди перечисленных авторов крупные

писатели, лауреаты международных премий, в том числе Нобелевской. Общество эпохи глобализации и активного межкультурного взаимодействия, в котором роль перевода и переводчиков постоянно возрастает, начинает рефлексировать над значением и ролью переводчиков в обществе.

Анализируя произведения, в которых действуют героини-переводчицы, И. Юхнова отмечает, что этот факт определяет не только их «проблематику, принципы изображения героев, но и структуру. Для... произведений характерны прерывистость повествования, наличие многочисленных вставных конструкций... игра с разными речевыми жанрами, сложная система точек зрения. Как правило, в повествование включаются письма, интервью, дневники, документы, литературные произведения, которые переводит героиня...» [Юхнова, с. 312], т. е. присутствие героини-переводчицы корректирует всю идейно-образную систему произведения.

В статье мы обратимся к двум произведениям, в которых возникают ситуации контакта европейской и японской культур в качестве основного сюжетобразующего фактора, а также переводчицы среди героев. Одно из них — произведение классика русской литературы И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» (1858), второе — роман известного современного английского писателя Д. Митчелла «Тысяча осеней Якоба де Зута» (2010). Произведения роднит еще один немаловажный факт: оба автора описывают события, которые складывались примерно в один и тот же исторический период и в схожих обстоятельствах.

Оба произведения имеют документальную основу. Представляется также, что хронологический разрыв в полтора века между датами их написания позволяет взглянуть на проблему контакта культур с исторической точки зрения. Кроме методов компаративного анализа, мы опирались на постулаты постколониальных исследований, в частности, на положения теории ориентализма, которая была сформулирована Э. Саидом.

Книга И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» описывает путешествие российской эскадры из Кронштадта в Японию вокруг Европы, Африки и Азии в 1852–1855 гг. Гончаров участвовал в экспедиции в качестве секретаря ее руководителя вице-адмирала Е. В. Путятина. Прибыв в Японию, члены экспедиции — не без труда — провели переговоры с властями, в результате чего в 1855 г. были установлены дипломатические связи между двумя странами и подписан Симодский договор о мире и дружбе между Россией и Японией. Таким образом, был сделан первый шаг по преодолению самоизоляции Японии — так называемой эпохи Эдо (1603–1868) (ил. 1).

Путевые заметки, которые писатель делал во время путешествия, легли в основу его книги. Исследователи убедительно показали сложность жанровой структуры произведения. Г. Тяпко и И. Бобринская считают, что «Фрегат Паллада» — классический травелог в форме эпистолярного романа, а его главным героем является сам автор, «человек среднего возраста и консервативных убеждений» [Тяпко, Бобринская, р. 121]. Б. Энгельгардт приходит к выводу о наличии в тексте «Фрегата Паллада» «многочисленных переключек с основными

произведениями Гончарова, глубокой внутренней связи с ними» [Энгельгардт, с. 752]. В. Недзвецкий пишет, что писатель создал «географический роман», в тексте которого совместились черты документальной прозы и принципы художественного освоения действительности. Он также определяет его главного героя:

Герой этот вполне реален, национально и исторически конкретен и в этом смысле индивидуализирован, хотя и не персонален. Это русский корабль («маленький русский мир, с четырьмястами обитателей») — Россия в миниатюре, бороздящая просторы мирового океана, конечно же, не ради золотого руна или казенной надобности (установление торговых и дипломатических отношений с Японией — это всего лишь официальная цель). Поиск заветного жизнеустройства как для себя, так и для других народов, — вот что увлекло ее. И не географическим перемещением Фрегата от одного мирового порта к другому определена сюжетная энергия книги, но этим жизнеустройством [Недзвецкий].

Ил. 1. Фрегат «Паллада» в бухте Нагасаки. Рисунок японского художника. 1854

Fig. 1. Frigate *Pallada* in Nagasaki harbour. Picture by a Japanese artist. 1854

На своем пути фрегат — «маленький русский мир» — сталкивается с другими мирами, которые автор внимательно изучает и описывает. Одним из самых экзотических среди них становится мир Японии. Пребывание «Паллады» в Японии

описано в двух главах под общим названием «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов» (главы I и III второго тома — глава II посвящена путешествию в Шанхай, которое произошло между двумя визитами в Японию). Именно эти главы пользовались особой популярностью у читателей — мир Японии выглядел экзотическим не только в силу разницы культур, но и в силу того, что страна была закрыта от внешнего мира, что порождало самые фантастические слухи и легенды. Общение с японской стороной происходило, по большей части, на фрегате, стоявшем в бухте Нагасаки, куда для переговоров приезжали местные чиновники и переводчики, поскольку въезд в страну для иностранцев был закрыт. Визит российской делегации на сушу для переговоров и подписания официальных документов стал кульминацией всего путешествия.

Роман «Тысяча осеней Якоба де Зута» является единственным на сегодняшний день историческим романом Дэвида Митчелла, одного из ведущих писателей Британии своего поколения (род. в 1969), автора, который завоевал мировое признание, прежде всего, романами-антиутопиями, в которых он смело экспериментирует с художественной формой, пространством и временем. На этом фоне роман «Тысяча осеней...» с его линейной композицией, описанием исторических событий и повествованием от третьего лица выглядит традиционно-консервативным. Знание Японии для автора во многом является знанием внутренним: после окончания университета он в течение восьми лет жил в Японии в качестве преподавателя английского языка, женился на японке и регулярно посещает страну, даже вернувшись в Англию. Роман имеет историческую основу: в интервью автор вспоминает, как во время поездки в Нагасаки попал в музей Дэдзимы и был поражен историей места [Winslow] (ил. 2). Поясним: в XVII–XIX вв. в заливе Нагасаки, который был единственным портом, через который осуществлялись контакты Японии с другими странами, был насыпан искусственный остров в форме веера — Дэдзима, который соединялся с берегом мостом. Таким образом соблюдалось требование о том, что нога иностранца не должна была ступать на землю Японии. В период Эдо остров стал факторией голландской Ост-Индской торговой компании, своеобразной резервацией, которую голландцы не могли покидать без разрешения местных властей, а местные жители, кроме имевших специальные пропуска чиновников и переводчиков, не имели права посещать остров (ил. 3). Герой романа, молодой писарь Якоб де Зут, прибывает на Дэдзиму в 1799 г., намереваясь заработать на колониальной службе и вернуться в Голландию через три-четыре года. События, прежде всего исторические (даже до далекой голландской колонии докатились волны Наполеоновских войн), разворачиваются таким образом, что Якоб покидает Японию только в 1817 г., сделав головокружительную карьеру и заработав состояние. Последующие тридцать лет жизни Якоба на родине складываются ровно и успешно, но в романе событиям этого периода посвящено три финальных страницы, тогда как его жизни в «стране тысячи осеней» посвящено почти шестьсот страниц. Автор, таким образом, фокусирует внимание на времени пребывания героя на Дэдзиме, и ситуация контакта культур — европейской

Ил. 2. Дэдзима, искусственный остров в форме веера, созданный в 1634 г. в бухте Нагасаки. После реконструкции города в начале XX в. Дэдзима перестала быть островом, сейчас это часть города и музей (на переднем плане). Современный вид

Fig. 2. Dejima, a fan-shaped artificial island built in 1634 in Nagasaki port. After the early 20th century reconstruction, it stopped being an island but became a part of the city and a museum (on the foreground). Modern view

Ил. 3. Голландская фактория Дэдзима в бухте Нагасаки, ок. 1820 г.
Видны два голландских корабля и китайские джонки

Fig. 3. Dutch trading post on Dejima in Nagasaki, c. 1820. Two Dutch ships and some Chinese boats are clearly seen

и японской — становится источником и фоном движения сюжета. Роман плотно заселен персонажами, которые распределяются на две группы и представляют два мира: мир Европы и мир Японии. В каждом из миров разворачиваются свои сюжеты, иногда лишь отдаленно связанные с основным конфликтом произведения, а именно с противостоянием двух культур. Прожив на Дэдзиме почти восемнадцать лет, Якоб становится посредником между двумя мирами, транскультурным субъектом, который не только изучил язык и культуру Японии, но и во многом ее принял. «“Транскультура” предполагает диффузию исходных культурных идентичностей по мере того, как индивиды пересекают границы разных культур и ассимилируются в них... создает новые идентичности в зоне размытости и интерференции» [Эпштейн]. Кроме того, немаловажным — в ряде случаев, принципиальным — является и тот факт, что транскультурация — процесс динамический, связанный «с постоянным культурным полилогом, в котором, однако, не должно происходить полного синтеза, слияния, культурного перевода, где культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются» [Глостанова, с. 6], и где, добавим, каждый получает возможность конструирования собственной личности, в том числе и творческой.

Контакты культур осуществляются в тексте обоих произведений с помощью и при активном участии переводчиков-японцев. Вот как описано первое появление переводчиков у И. Гончарова:

Третья партия японцев была лучше одета: кофты у них из тонкой полупрозрачной черной материи, у некоторых вытканы белые знаки на спинах и руках... Они объявили, что они переводчики, опер-толки и ондер-толки, то есть старшие и младшие. Они назначаются для сношений с голландской факторией... Переводчиков здесь целое сословие: в короткое время у нас перебывало около тридцати, а всех их около шестидесяти человек... Они знают только голландский язык и употребляются для сношений с голландцами, которые, сидя тут по целым годам, могли бы, конечно, и сами выучиться по-японски... [Гончаров, с. 400].

Любопытно, что автор называет переводчиков голландскими словами (нидерл. *tolk* ‘переводчик’), подчеркивая тем самым сложившийся приоритет голландцев в торгово-дипломатических отношениях с Японией. Позже автор указывает, что некоторые переводчики немного знали английский язык, но переговоры велись в основном на голландском; с российской стороны переводчиком выступал К. Н. Посьет, ближайший помощник Е. В. Путятина по дипломатической линии, который для этого изучал язык во время долгого плавания «Паллады». Кроме того, «мы все... знаем по-французски» [Там же, с. 442], отмечал автор, а некоторые офицеры — и по-английски, что также способствовало установлению контактов с японской стороной.

Состав «сословия переводчиков» описывает и Д. Митчелл: переводчиков первого ранга всего четыре, за ними следуют переводчики второго и третьего рангов, а также переводчики без ранга. Переводчики составляют закрытую привилегированную группу, в которой знания и статус, как правило, передаются

по наследству: «Огава Мимасаку — один из четырех переводчиков первого ранга. Его сын, Огава Узаемон — третьего ранга... У Огавы Узаемона, лет двадцати пяти от роду, открытое умное лицо. Все переводчики без ранга склоняются перед ним как можно ниже... У него прекрасное произношение» [Митчелл, с. 36] — именно так на страницах романа появляется один из главных романтических героев произведения. Молодой Огава — приемный сын своего отца, у которого нет родных детей, и он усыновляет способного мальчика, чтобы тот смог продолжить дело его жизни. С другой стороны, Якоб узнает, что «отец Секиты (переводчик высокого ранга. — О. С.) просто купил сыну место переводчика в Гильдии» [Там же], чем объясняется его вопиющая некомпетентность. Оба автора подчеркивают неоднородность группы переводчиков: «У них правило: когда старший тут, другой молчит, но непременно слушает; так они проверяют друг друга. Эта система взаимного шпионства немного похожа на иезуитскую» [Гончаров, с. 410]. Гончаров, внимательно наблюдавший за переводчиками в течение нескольких месяцев, отмечает, что старые переводчики «находят все старое прекрасным, перемен не желают и все новое считают грехом... Есть еще Ясиро, Кичибэ-сын и много подростков, все кандидаты в переводчики. У них наследственные должности: сын по большей части занимает место отца» [Там же, с. 484]. Об иерархии пишет и Д. Митчелл: «Подходят несколько молодых мужчин, с такими же выбритыми впереди головы волосами и узлом волос на макушке, как у инспекторов и переводчиков, побывавших на «Шенандоа» на этой неделе, но в более простой одежде, рядовые переводчики...» [Митчелл, с. 34]. Описывая внешность японцев, И. Гончаров, в отличие от Д. Митчелла, сопровождает описание собственной критической оценкой: «Голова вся бритая, как и лицо, только с затылка волосы подняты кверху и зачесаны в узенькую, коротенькую, как будто отрубленную косичку, крепко лежавшую на самой маковке. Сколько хлопот за такой хитрой и безобразной прической!» [Гончаров, с. 398].

Оба автора отмечают, что именно молодые переводчики остро ощущают закрытость и ограниченность Японии и мечтают о переменах. В разговоре с Якобом Огава рассуждает:

Я — все японцы... узники на всю жизнь. Кто решает покинуть страну, того наказывают. Кто уезжает и возвращается, того наказывают. Мое самое заветное желание — провести год в Батавии, говорить на голландском, есть, как голландцы, пить, как голландцы, спать, как голландцы. Один год, только один год... [Митчелл, с. 132].

О готовности молодых переводчиков к переменам пишет и И. Гончаров:

...один из переводчиков, Нарабайоси... молодой человек лет 25-ти, говорящий немного по-английски, со вздохом сознался, что все виденное у нас приводит его в восторг, что он хотел бы быть европейцем, русским, путешествовать и заглянуть куда-нибудь... Бедный, доживешь ли ты, когда твои соотечественники, волей или неволей, пустят других к себе или повезут своих в другие места? Ты, конечно, будешь из первых... И он не один такой. В этих людях будущность Японии — и наш успех [Гончаров, с. 422].

В произведениях неоднократно встречаются эпизоды, в которых описывается профессиональная деятельность переводчиков, их работа с документами, работа над письменными и устными переводами, обсуждение их вариантов. Оба автора отмечают, что успех переговоров и установление контактов между сторонами напрямую зависят не только от профессиональных, но и личных качеств переводчиков. В описаниях Гончарова Кичибе ленив и склонен к пренебрежению своими обязанностями, старые переводчики консервативны и циничны, Эйноске умен и обаятелен и т. д., что сказывается на отношении к ним российской стороны и на результатах предварительных переговоров. Не менее выразительные примеры находим в тексте Д. Митчелла: проверяя бумаги Якоба, Огава «не замечает» запрещенную в Японии Библию, поскольку надеется на то, что Якоб будет давать ему возможность знакомиться с европейскими книгами из личной коллекции (особенно его интересуют труды Адама Смита — «Адама Сумиссу» в японской транскрипции); с другой стороны, делая перевод письма сёгуна руководству голландской компании, «хитрый змей Кобаяши» намеренно переводит неверно — вместо ста вееров из павлиньих перьев, которые двор просит продать, переводчик настаивает на тысяче вееров, и только внимательность Якоба позволяет раскрыть его интригу:

Господин Ивасе, теперь вы переведите это письмо, чтобы мы могли проверить сколько нужно вееров — одна тысяча или одна сотня Совету старейшин и девять сотен господину Кобаяши и его сообщникам? Но прежде чем Вы начнете... напомните мне: какое наказание полагается за умышленно неверный перевод приказа сёгуна? [Митчелл, с. 144].

Любопытно, что перевод трактуется в этом эпизоде, как и в ряде других, как средство манипулирования, но также и как политический инструмент.

Сходство между двумя произведениями в описаниях контактов европейцев и японцев наблюдается еще в целом ряде эпизодов. Вот как описывается Нагасаки со стороны (с борта фрегата и с Дэдзимы): город «деревянно-серый и грязно-коричневый, напоминает гной, вытекший между раздвинутых зеленых гор пальцев» [Там же, с. 28], «город, конечно, не весь виден... это, вероятно, только часть, и самая плохая, предместье: тут все домишки да хижинки! Где же здания, дворцы, храмы?.. Должно быть, там, дальше, за мысом» [Гончаров, с. 403]. Оба автора детально описывают переговоры между сторонами, торговые в одном случае, дипломатические — в другом, непонятный для европейцев местный этикет, незнакомую кухню, японские традиции и обычаи, другие особенности, с которыми европейцам пришлось столкнуться в Японии. Несмотря на общность предмета описания и рефлексии, точка зрения и оценки двух авторов разнятся, иногда они прямо противоположны. И. Гончаров рассуждает о японской практике ритуального самоубийства харакири:

Один из нагасакских губернаторов несколько лет назад распорол себе брюхо... Вскрывать себе брюхо — самый употребительный здесь способ умирать поневоле...

Заупрямься кто сделать это, правительство принимает этот труд на себя; но тогда виновный кроме позора публичной казни подвергается лишению имени, и это падает на его семейство [Гончаров, с. 399].

Практика ритуального самоубийства харакири трактуется автором как наказание, накладываемое правителем или государством. Иная трактовка самоубийства представлена в романе Д. Митчелла, где оно становится актом воли и благородства в борьбе со злом. Губернатор Нагасаки готовит отравленный чай, чтобы выпить его в компании со злодеем, поскольку не находит иного выхода покарать его. Зло, воплощенное в образе могущественного настоятеля Эномото и созданного им военно-религиозного ордена, оказывается в конечном итоге поверженным — но не без трагических потерь, что делает победу добра более ценной.

Важной темой становятся в произведениях Гончарова и Митчелла официальные приемы, которые знаменуют собой результат долгих переговоров и являются их кульминацией, но одновременно обостряют и демонстрируют разницу и непримиримость культур. Многократно исследователи комментировали эпизод приема делегации Е. Путятина во дворце губернатора Нагасаки, когда русские, не желая сидеть на полу, привезли с собой кресла, и зная, что придется снимать обувь, пошили матерчатые тапочки, которые сначала надели на сапоги, а потом сняли. Правда, как отмечает А. Генис, «японцы, как выяснилось благодаря недавно найденным дневникам дипломатов, не остались в долгу. ...На рисунке из дневника сёгунского чиновника, запечатлена эта сцена с японской точки зрения: хозяева в разукрашенных кимоно выглядят естественно, непринужденно и красиво — как бабочки. Зато русские в своих черных фраках похожи на тараканов» [Генис, с. 212] (ил. 4). Аналогичная сцена присутствует в романе Д. Митчелла в более конфликтном варианте:

Охранник... проводит голландцев в прямоугольник придворных к трем алым напольным подушкам... Якоб опускается на колени на подушку, кладет папку сбоку и кланяется. Справа... ван Клиф делает то же самое, но, выпрямившись, видит, что Ворстенбос стоит. «Где, — директор поворачивается к Кобаяши, — мой стул?» Вопрос, как и рассчитывал Ворстенбос, вызывает молчаливый переполох [Митчелл, с. 66].

Ворстенбос — новый директор голландской фактории на Дэдзиме, и его целью является не столько установление контактов, сколько утверждение собственного положения и — расширительно — демонстрация европейского могущества, поэтому он бесцеремонно нарушает целый ряд правил этикета. Выразительные детали показывают реакцию японской стороны: «оцепенелый чиновник», «придворные переглядываются», «Шикаяма намеренно меняет тему разговора», «Огава чувствует приближение беды, но ничего не может сделать, продолжая переводить», «лица двух переводчиков бледнеют на глазах» [Там же, с. 67–70]. Авторская позиция однозначна: грубияном и невеждой является представитель европейцев, облеченный властью.

Ил. 4. Адмирал Е. В. Путятин. Рисунок японского художника. 1853

Fig. 4. Admiral E. V. Putyatin. Picture by a Japanese artist. 1853

Ситуации устного перевода на официальных приемах также описываются в текстах двух книг. У Д. Митчелла переводчики на приемах, сидящие на полу, как и другие присутствующие, являются полноправными участниками коммуникации. По-иному описываются переговоры в книге И. А. Гончарова (ил. 5):

Полномочные сделали знак, что хотят говорить, и мгновенно, откуда ни возьмись, подползли к их ногам, из двух разных углов, как два ужа, Эйноске и Кичибэ. Они приложили лбы к полу, и слушали в этом положении, чуть дыша. Начал старик... Кичибэ приподнял голову, подавился немного и потом уже перевел приветствие... Эйноске быстро подполз к ногам второго и приложил лоб к полу; тот повторил те же приветствия... Переводчики ползком подскочили к третьему и четвертому полномочному и, наконец, к губернаторам... Но, Боже мой! В каком они положении..! Они распростерлись на полу, как две легавые собаки, готовясь... переводить [Гончаров, с. 591–592].

Ил. 5. А. Можайский. Японские уполномоченные и переводчики во время переговоров с делегацией России. Иллюстрация к роману И. Гончарова. 1856

Fig. 5. A. Mozhayskiy. Japanese official representatives and interpreters at the talks with the Russian delegation. Illustration to I. Goncharov's novel. 1856

Кроме того, Митчелл описывает подготовительный этап работы переводчиков, и почти неожиданно рутинные обсуждения и профессиональные консультации превращаются в описание разницы культур и возможностей их преодоления:

У каждого переводчика приготовлен список слов, не поддающихся разгадке даже общими силами Гильдии. Слова зачитывают вслух, и Якоб их объясняет, как умеет, помогая себе жестами, приводит примеры и подбирает синонимы. Переводчики обсуждают, какой японский эквивалент годится... С простыми словами, такими, как «истощенный», «обилие» и «селитра», справляются быстро. Сложнее с абстрактными понятиями, как «подобие», «фикция»... Минут по десять-пятнадцать уходит на слова, для которых не существует аналога в японском языке: «приватный», «ипохондрия»... В тех случаях, когда голландский студент сказал бы «Я не понимаю», переводчики японцы молча опускают глаза... [Митчелл, с. 158].

При всем сходстве в описании Японии и японцев в двух произведениях авторская позиция каждого писателя индивидуальна и не совпадает с позицией другого. Взгляды И. А. Гончарова на «японский мир» неоднократно анализировались исследователями. Можно утверждать, что это взгляд сверху вниз: постоянными эпитетами для описания мира Японии становятся «странный» («Здесь все может быть, чего в других местах не бывает» [Гончаров, с. 441]) и «детский» («Вообще, не видно почти ни одной мужественной, энергичной физиономии... зачесанная сзади кверху коса и гладко выбритое лицо делают их непохожими на мужчин» [Там же, с. 415]). При подготовке визита высокопоставленных чиновников на «Палладу» японцы просят уточнить, где будут сидеть члены их делегации, и автор, который считает их просьбу мелочной придиуркой, раздражается эмоциональной тирадой: «Ну, сделайте милость, скажите, что делать с таким народом? Дай Бог терпения! Вот что значит запереться от всех: неизменно в детство впадаешь» [Там же, с. 435]. Автор, по меткому выражению А. Гениса, описывает японцев, как Штольц — Обломова: они сонные, вялые, «едят и спят и больше ничего не делают» [Генис, с. 212]. Отметим, однако, что при постепенном переходе от общих планов к конкретным описаниям, от коллективных портретов к индивидуальным точка зрения писателя корректируется, и в описаниях японцев и Японии появляются черты, которыми он любит: пейзажи, предметы быта, некоторые люди, например, переводчик Эйноске. В целом, однако, согласимся с Е. Краснощековой: универсальной метафорой «мира Японии» становится «тюрьма», а «полное отрешение от европейской логики для Гончарова, русского писателя и типичного западника, практически невозможно» [Краснощекова, с. 119]. Согласимся: образ «странной Японии» в тексте «Фрегата Паллада» — европейский конструкт, укорененная в сознании европейцев идея о «неполноценности» японцев, которая, не в последнюю очередь, появилась вследствие закрытости страны и недостатка объективной информации о ней. Стараясь быть объективным, Гончаров пишет, что «от европейцев они (*японцы*) видели пока мало, а зла много: оттого и самое отчуждение их логично» [Гончаров, с. 607], но, с другой стороны, автор считает, что Япония нуждается в руководстве со стороны. Налицо позиция укорененного евроцентризма как особого вида этноцентризма, «евроцентристская установка, характерная для большинства русской интеллигенции середины XIX века» [Краснощекова, с. 121]. Описывая свое отношение к Японии и японцам, автор «Фрегата «Паллады» выступает сторонником подобного подхода, фактически отрицая возможность равноценного диалога и взаимообмена между культурами, демонстрируя тем самым бинарное мышление, характерное для европейцев XIX в.

Полагаем, что взгляд на Японию свысока обусловлен и другими причинами, в частности, тем, что у членов экспедиции не было возможности сойти на берег и лучше познакомиться со страной, и их впечатления о жителях основывались лишь на наблюдениях за небольшой группой людей. Отношение к Японии свысока также (возможно, в первую очередь) было обусловлено интересами «русского мира». Прежде всего, автор позиционирует себя как человека,

выполняющего важную государственную задачу — подписать договор с Японией. В. Недзвецкий указывает, что в произведении образ автора-повествователя воплощен в двух ипостасях: повествователь как личность и как чиновник [Недзвецкий]. На пути к своей цели российская делегация использовала разные подходы и способы, и роль лично И. А. Гончарова была весьма заметной. В дневниках японских чиновников он характеризуется как «большой злодей, брюхатый варвар и очень хитрый секретарь» [цит. по: Генис, с. 213]. Характерно также, что, создавая обобщающий портрет «русского мира» — фрегата «Паллада», автор часто пишет «мы», «у нас», не всегда дифференцируя отдельных членов экспедиции, хотя некоторые портреты российских офицеров, дипломатов и членов команды также присутствуют в произведении. Подчеркнем, что в описании «русского мира» нет отрицательных персонажей и/или неприятных эпизодов, хотя, очевидно, что в реальности их не могло не быть. Таким образом, автор конструирует собственный, в значительной степени национальный взгляд на мироустройство, в котором фрегат как образцовый представитель русского мира занимает центральное положение и заведомо лучше, чем другие «миры», особенно такие экзотические, как Япония.

В отличие от произведения И. Гончарова, основной темой и проблемой романа Д. Митчелла является *контакт* культур, точно обозначенный в заголовке произведения: поэтическое самоназвание Японии как «страны тысячи осеней» соседствует в нем с отчетливо звучащим европейским именем героя. В тексте романа автор экспериментирует с точками зрения, т. е. создает произведение, в котором две культуры — японская и европейская — представлены как равноправные, одинаково значимые для романного мира. Подобная позиция не слишком характерна для британской литературы с ее сложившейся традицией колониального дискурса. Д. Митчелл утверждает, что старался написать «бикультурный роман (*bicultural novel*), в котором японская точка зрения сосуществовала бы на равных основаниях с голландской и европейской точками зрения» [Reading Guide].

Мир Японии конца XVIII — начала XIX в., воссозданный Д. Митчеллом со скрупулезной точностью (автор утверждает, что в течение четырех лет занимался историческими изысканиями), очень необычен с европейской точки зрения, но в нем присутствует своя логика и порядок, и в нем, как и в любом другом уголке Земли, разворачивается вечная борьба добра со злом.

При всей самобытности, Япония тянется к европейскому знанию и достижениям науки, а образованные японцы хорошо осознают последствия своей изоляции, не случайно Огава характеризует мост, связывающий Дэдзиму с берегом, как «самый длинный мост в мире, потому что это есть мост между двух миров» [Митчелл, с. 124].

Мир Европы представлен в романе многочисленной группой персонажей. Эта группа складывается не только из представителей европейских народов — голландцев, англичан, ирландцев, немцев, но и их азиатских слуг и даже рабов, поскольку они совокупно представляют европейский колониальный миропорядок. Внутри этой группы также разворачивается целый ряд автономных

сюжетных историй. Автор описывает истории — предыстории по отношению к романному времени — почти всех европейцев-служащих компании, истории, полные приключений, войн, страданий, крови, жестокости, мужества, алчности и упорства. Истории, характерные для эпохи колониальных захватов, многомесячных морских походов на парусных судах, но, одновременно, эпохи значительных научных открытий, социальных сдвигов, эпохи Просвещения на ее излете. Тема рабства, которая неоднократно осмысливается в произведениях Д. Митчелла, звучит пронзительной нотой и в «Тысяче осеней...». Таким образом, европейский мир также представлен в романе крайне неоднородным и полным трагических противоречий.

В произведении Д. Митчелла каждый из миров — мир Японии и мир Европы — уникален и сложен, в каждом идет вечная борьба добра со злом, а отношения между ними складываются непросто, создавая одну из основных зон напряжения романа. Каждый из миров смотрит на другой с подозрением, хотя заинтересован в контактах. Европейцы смотрят на японцев свысока, что хорошо согласуется с господствующей идеологией евроцентризма и колониализма, но и японцы с подозрительностью относятся к группе европейцев, запертых на Дэдзиме. Именно им приходится испытать на себе ксенофобскую враждебность, презрение, насмешки со стороны местного населения, которые обычно были обращены к неевропейским другим. Ценностные и эстетические приоритеты двух миров противоположны, что проявляется даже на бытовом уровне: Якоб рыжеволос, и этот факт вызывает непрекращающиеся насмешки со стороны японцев. Этот же факт, однако, спасает Дэдзиму от бомбардировки английским военным кораблем, капитан которого ассоциирует Якоба со своим умершим рыжеволосым сыном. Эту же разницу отмечает И. Гончаров: «Наша вежливость у них — невежливость, и наоборот. ...Мы снимаем шляпу в знак уважения, а они — туфли... Наши русые волосы и белые зубы им противны; у них женщины чернят зубы...» [Гончаров, с. 603].

Критик утверждает — и с этим сложно спорить, — что «Д. Митчелл написал... о беззащитности перед лицом обстоятельств, когда не имеет никакого значения, японец ты или иностранец... потому что каждый из нас — не больше песчинки в масштабе вечности» [Черникова]. Представляется, однако, что Д. Митчелл написал также о многообразии культур и их внутренней неоднородности, о разуме, красоте и честности, которые свойственны представителям разных миров, о том, что контакты культур могут быть конфликтными, но становятся плодотворными, если приложить к этому определенные усилия.

Таким образом, в каждом из произведений создается свой образ Японии, при этом авторы фиксируют немало сходных черт, что свидетельствует, в частности, об объективном характере этого образа. Кардинальным отличием является авторская точка зрения на Японию и японцев, что объясняется рядом факторов частного и общего характера. Среди частных факторов — особенности знакомства каждого из писателей с миром японской культуры, сугубо внешнего для И. Гончарова и внутреннего для Д. Митчелла. Кроме того, позицию русского

писателя можно охарактеризовать как евроцентризм, свойственный интеллигенции середины XIX в., при этом автор однозначно воспринимает Россию как часть западного мира. Д. Митчелл пишет свой роман в иную эпоху и транслирует в нем современную точку зрения о неиерархическом многообразии культур. Он также описывает ситуацию транскulturации как способа взаимодействия культур.

Отметим также, что книга Гончарова уникальна для литературы XIX в. тем, что в ней присутствуют герои-переводчики, деятельность которых рассматривается во всей ее полноте. В этом смысле Д. Митчелла можно считать его последователем.

Источники

Гончаров И. А. Фрегат Паллада: очерки путешествия : в 2 т. Л. : Наука, 1986.

Митчелл Д. Тысяча осеней Якоба де Зута / пер. с англ. В. Вебера. М. : Эксмо, 2013.

Исследования

Гарбовский Н. К., Костикова О. И. История перевода. Практика, технологии, теории. М. : Изд-во МГУ, 2021.

Генис А. А. Билет в Китай. М. : Амфора, 2001.

Краснощечкова Е. А. «Мир Японии» в книге И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» // Acta Slavica Iaponica. 1993. Vol. XI. P. 106–124.

Молодняков В. Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX — начале XX века. М. : Ин-т востоковедения РАН, 1996.

Недзвецкий В. А. «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова: загадка жанра // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. URL: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/izvan/i52-043-.htm> (дата обращения: 15.01.2022).

Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Русский Мир, 2006.

Глостанова М. В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М. : Едиториал УРСС, 2004.

Черникова Л. А. «Душа — это глагол... Не существительное...» Рецензия на роман Д. Митчелла «Тысяча осеней Якоба де Зута» // Пиши — читай. 14.05.2015. URL: <http://write-read.ru/reviews/618b> (дата обращения: 15.01.2022).

Чуковский К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб. : Авалонь, 2008.

Энгельгардт Б. М. «Фрегат Паллада» // Гончаров И. А. Фрегат Паллада: очерки путешествия : в 2 т. Л. : Наука, 1986. С. 722–760.

Эпштейн М. Н. Транскulturа // Проективный словарь философии. Новые понятия и термины. 04.11.2004. URL: <https://www.topos.ru/article/2976> (дата обращения: 15.01.2022).

Юхюва И. С. Образ переводчика и проблема межкультурной коммуникации в современной отечественной литературе // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2005. № 2 (2). С. 309–313.

Reading Guide for “The Thousand Autumns of Jacob de Zoet” by David Mitchell // Book Browse. 2015. URL: https://www.bookbrowse.com/reading_guides/detail/index.cfm/book_number/2438/the-thousand-autumns-of-jacob-de-zoet (date of access: 15.01.2022).

Тяпко Г., Бобринская И. Images of remote countries in Russian classical sea voyage literature // World Literature Studies. 2019. Vol. 11, Iss. 2. P. 111–122.

Winslow A. “The Thousand Autumns of Jacob de Zoet” by David Mitchell // Chicago Tribune. 05.10.2010. URL: <https://www.chicagotribune.com/lifestyles/books/chi-boooks-review-thousand-autumn/> (date of access: 15.01.2022).

References

Chukovsky, K. I. (2008). *Vysokoe iskusstvo. Printsipy khudozhestvennogo perevoda* [High Art. Principles of Creative Translation]. St Petersburg: Avalon.

Engelgardt, B. M. (1986). “Fregat Pallada” [“Frigate Pallada”]. In I. A. Goncharov, *Fregat Pallada: ocherki puteshestviia* [Frigate Pallada. Sketches of the Voyage] (Vols. 1–2, pp. 722–760). Leningrad: Nauka.

Epstein, M. B. (2004, November 04). Transkul'tura [Transculture]. In *Proektivnyi slovar' filosofii. Novye poniatii i terminy* [Projective Dictionary of Philosophy. New Concepts and Terms]. Retrieved from <https://www.topos.ru/article/2976>

Garbovsky, N. K., & Kostikova, O. I. (2021). *Istoriia perevoda. Praktika, tekhnologii, teorii* [History of Translation. Practice, Technologies, Theories]. Moscow: MGU Publishers.

Genis, A. A. (2001). *Bilet v Kitai* [Ticket to China]. Moscow: Amphora.

Krasnoshchekova, E. A. (1993). “Mir Iaponii” v knige I. A. Goncharova “Fregat Pallada” [“The World of Japan” in I. A. Goncharov’s Book *Frigate Pallada*]. *Acta Slavica Iaponica*, XI, 106–124.

Molodnyakov, V. E. (1996). “Obraz Iaponii” v *Evrope i Rossii vtoroi poloviny XIX – nachale XX veka* [“The Image of Japan” in Europe and Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN.

Nedzvetsky, V. A. (1993). “Fregat ‘Pallada’” I. A. Goncharova: zagadka zhanra [Frigate “Pallada” by I. A. Goncharov: Genre Problems]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i iazyka*. Retrieved from <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/izvan/i52-043-.htm>

Reading Guide for “The Thousand Autumns of Jacob de Zoet” by David Mitchell. (2015). In *Book Browse*. Retrieved from https://www.bookbrowse.com/reading_guides/detail/index.cfm/book_number/2438/the-thousand-autumns-of-jacob-de-zoet

Said, E. V. (2006). *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western Concepts of the East]. St Petersburg: Russkii mir.

Tchernikova, L. A. (2015, May 14). “Dusha – eto glagol... Ne sushchestvitel'noe...” Retsenziia na roman D. Mitchella “Tysiacha osenei Jakoba de Zuta” [“Dusha” is a verb ... Not a noun...” Review of *The Thousand Autumns of Jakob de Zoet* by D. Mitchell]. *Pishi – chitai* [Write and Read]. Retrieved from <http://write-read.ru/reviews/618b>

Tlostanova, M. V. (2004). *Postsovetskaiia literatura i estetika transkul'turatsii. Zhit' nikogda, pisat' niotkuda* [Post-Soviet Literature and the Aesthetics of Transculture. Live Never, Write from Nowhere]. Moscow: Editorial URSS.

Tyapko, G., & Bobrinskaya, I. (2019). Images of Remote Countries in Russian Classical Sea Voyage Literature. *World Literature Studies*, 11(2), 111–122.

Winslow, A. (2010, October 05). “The Thousand Autumns of Jacob de Zoet” by David Mitchell. *Chicago Tribune*. Retrieved from <https://www.chicagotribune.com/lifestyles/books/chi-books-review-thousand-autumn/>

Yukhnova, I. S. (2005). Obraz perevodchika i problema mezhkul'turnoi kommunikatsii v sovremennoi otechestvennoi literature [The Image of a Translator and Issues of Intercultural Communication in Contemporary Russian Fiction]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, 2 (2), 309–313.

Сидорова Ольга Григорьевна

доктор филологических наук, профессор
кафедры германской филологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Ленина, 51
E-mail: ogs531@mail.ru

Sidorova, Olga Grigorievna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Germanic Philology Department
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: ogs531@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2813-7514>